

Позывные другой системы

Культура. — 1999. —

29 апр. — 19 мая. — с. 8 Время вспомнить о Дворецком

Если нынче (не часто) называют имя Игнатия Дворецкого, то прежде всего в связи с "Человеком со стороны". 71-й год, наступает пора всеобщей неподвижности, застылости; система двойных стандартов, разнообразных приписок все увереннее утверждает себя, а классовая мораль окончательно теснит человеческую, извечную. И вдруг является пьеса, где впрямую говорится о том, что ложь неэкономична, что любое производство, да вообще любое серьезное дело потерпит крах, если рассматривать его отдельно от совести, достоинства, простой порядочности.

Не знаю, случайность это или чья-то умная государственная режиссура, но именно в ту пору и именно в театре с его отнюдь не массовой аудиторией иногда дозволялись вещи, отчетливо противоречившие официальным идеологическим установкам. Приоткрывался клапан, давался выход общественному неудовольствию — и творческой энергии, гражданской страсти художника, неотделимой от отечественной театральной традиции. Уверен: спектакли тех подцензурных лет по сей день остались непрезойденными.

"Человек со стороны" у Эфроса в Москве, у Владимировой в Ленинграде стал событием общественным и культурным, инженер Чешков на долгое время — фигурой знаковой. Возможно, это лучшее создание Дворецкого, однако не единственное, о котором стоит сегодня вспомнить.

До "Человека со стороны" были "Взрыв", "Большое волнение". И была "Трасса", первый драматургический опыт Дворецкого. Главный герой, начальник крупной сибирской стройки генерал в отставке Чепраков, — человек старой закалки и от современных технологий безнадежно отставший. Антипод Чешкова, жесткого технократа, аса инженерного, уп-

Фото В. ВАСИЛЬЕВА

равленческого искусства?

Но стоять перед глазами сцены из двух давних спектаклей.

"Командиры производства", уверенные в себе, матерые, демонстративно покидают совещание, где новичок, мальчишка, Чешков предъявил им серьезные претензии, а он просит их остаться, и в глазах исполнителя роли, Анатолия Грачева, не просто просьба — мольба: не уходите, не бросайте, смирите амбиции, вы же понимаете сами, что сказанное мною — неоспоримо и справедливо. Это "Человек со стороны" на Малой Бронной.

И Чепраков, с которого слетел вдруг весь генеральский кураж, умоляющий прогрессивного редактора областной газеты не печатать критическую статью о стройке: не мешайте, не бейте, решающий момент, нервы у всех на пределе, после — пожалуйте, а сейчас — вред нанесете непоправимый, не за себя ведь прошу... Пьесе "Трасса" под названием "Генерал Чепраков в отставке" поставил в Театре имени Станиславского недолго им руководивший Владимир Кузенков, он же сыграл отставного генерала.

Чепраков и Чешков противоположны во многом, только работа на благо Отечества — это для каждого из них дело жизни и чести, а собственные интересы — на потом. Общность, которая существенней всех противоположностей. И когда столько прошло перед глазами начальников самого разного толка — монетаристов, консерваторов, реформаторов, красных директоров, а экономика страны где была, там и есть, я вспоминаю Игната Дворецкого.

Его сближение с Анатолием Эфросом, может быть, казалось сначала временным, вынужденным, но вот за "Человеком со стороны" последовала "Веранда в лесу", потом "Директор театра", последняя работа Эфроса в Театре на Малой Бронной. И "Члены общества хостусов" — Анатолий Васильевич хотел поставить эту пьесу уже на Таганке. Но не успел.

Нет, даже в обстоятельствах крайних не обратился бы Эфрос к традиционному драматургу — "производственному". В Дворецком он почувствовал не только основательность, прочность, непреходящий жизненный опыт, но и лиризм, который подспудно присутствовал в его пьесах.

Ничего здесь не было вынужденного. Просто они нашли друг друга. Многие переживший и повидавший, умевший за себя постоять Игнат был душевно раним и щепетильно верен в дружбе. О том, что человеческие сближения, мучительные, драматические, есть основа существования, они, Дворецкий и Эфрос, рассказали в спектакле "Директор театра" с такой обнаженной пронзительностью, за которой угадывалось предчувствие конца.

Мечущийся, срывающийся, быть может, гениальный режиссер Вознесенский и директор театра Чинмендаев, строитель, человек "из другой системы", почувствовали

неодолимую потребность друг в друге. В яростных спорах на грани разрыва они приходили к тому, что без взаимной терпимости ничего не получится. Что только вместе удастся противостоять сильнейшей генерации людей, использующих патриотизм "как средство взлома", и сохранить веру в то, что как бы там ни было, а живут и другие, способные испытывать "необразимую боль за отечество".

Читаю сегодня газеты, заставляю себя смотреть телевизор — и вспоминаю Игната Дворецкого.

Анатолий Эфрос умер после недолгой работы в Театре на Таганке, познав до конца страшную силу непертермости.

Игнатия Дворецкого смерть постигла через несколько месяцев, когда он вносил последние коррективы в очерк "Личность на контроле", посвященный судьбе инженера Игоря Киртбая, его многолетнему героическому единоробству с бюрократической машиной. Тогда, в 87-м, этот очерк еще не решались печатать. Нам удалось "пробить" его в журнале "Искусство кино".

Вскоре Игоря Киртбая тоже не стало.

У всех троих не выдержали сердца. Все трое, такие разительно непохожие, были едины в своем понимании долга и душевных приличий. И сделали безмерно много, чтобы махина нашей жизни, застоявшаяся, проржавевшая, сдвинулась наконец с мертвой точки. Чтобы в стране возродилась надежда.

Как мы распорядились их усилиями, работой, нашей общей надеждой — это уже вопрос к нам, и отвечать на него каждому отдельно.

Время вспомнить об Игнате Дворецком — не только потому, что на днях ему исполнилось бы 80 лет.

Константин
ЩЕРБАКОВ